

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 22

1969

Людмила ШИКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

С Т И Х И

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 22

Людмила ШИКИНА

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1969

Людмила ШИКИНА

Людмила Васильевна Шикина родилась в селе Ермолаевке, Башкирской АССР. Там же окончила среднюю школу. Работала сначала учительницей в сельской школе, затем воспитательницей в детском саду. В 1952—1958 годах заочно прошла курс обучения в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина. В 1964 году завершила образование в Литературном институте имени А. М. Горького. Первое стихотворение опубликовала в «Литературной газете» в 1958 году. Издательство «Советский писатель» в 1966 году выпустило сборник стихов Л. Шикиной. В 1967 году в издательстве «Малыш» вышла ее книжка для детей.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Я цветы полевые с башкирских полей,
Как просили меня земляки, пронесла
Через Красную площадь, идя в Мавзолей.
Я в пути их три ночи, три дня берегла.

Я не прячу поникших цветов среди роз,
Я кладу их к подножью гранитной плиты.
Я запомнила с детства, что Ленин был прост,
Он, конечно, любил полевые цветы.

Ушел из жизни человек, а посреди села
Колодец, выкопанный им, рябина обняла.
И ловит девочка бадью в железных обручах,
И коромысла вперелив у женщин на плечах;
И воду чистую несут, ее и льют и пьют,
И тот колодец до сих пор «Егоровым» зовут.

Научи меня доброму делу —
Не умею я хлеб затевать.
Все, как скажешь, я в точности сделаю.
Научи меня этому, мать.

Чтобы хлеб был не солон, не пресен,
Я с тревогой, как ты у печи,
Угожу ему тихую песней —
Только ты меня, мать, научи.

Ты одна это можешь на свете,
Мне не вычитать это из книг.
Я хочу, чтоб запомнили дети
Теплый хлеб на ладонях моих.

*
* *
*

Петух, надрываясь, кричал на плетне,
И первые бомбы рвались на войне,
И солнце звенело лучом по стеклу —
В то утро отец уходил на войну.

Ушел он из детства за синие дали,
Без слез и без песен его провожали,
А в поле туманилась сизая рожь,
И кто-то сказал, что его не вернешь...

СОЛДАТКА

В ту весну не знали хуторяне,
Что уже назначено судьбой,
Что теперь положено Татьяне
Быть всю жизнь солдаткою-вдовой.

И она не ведала, не знала.
Из рядов подкошенной травы
Не брала ромашки, не гадала,
Не клонила гордой головы.

Не в лаптях, а в хромовых ботинках
Шла она прокосом впереди
В солнечных веселых золотинках
Вздрагивали бусы на груди.

Бусы, будто ягоды рябины,
До войны на хуторе у нас
Торгаши меняли на овчины,
А в придачу пили терпкий квас.

Эти бусы — ягоды рябины —
Отыграли, больше не горят.
А Татьяна носит их поныне —
Память мужа, люди говорят.

ЕРМОЛАЕВКА

Чтобы всем не объяснять, как раньше,
я скажу, чтоб знали на земле
О моем заснеженном, уральском,
о моем прославленном селе.

Здесь еще встречаются паромы
довоенных — допризывных лет.
Только многих строивших, пахавших
среди жнущих в поле нашем нет.

В сундуках, под уголками писем,
малыши находят ордена,
Снится им из фильмов и рассказов
дымная, в развалинах война.

А однажды, русский, коренастый —
мне поверьте, будет это так,—
Как по Ермолаевке, по Марсу
первый путь проложит мой земляк.

Так впишите в золотую книгу
родину негромкую мою!
За нее мои односельчане
умирали гордыми в бою;

За нее отец мой кареглазый
не дожил до нынешнего дня,
Без нее у памятников павшим
не было бы Вечного огня.

*
* *
*

Чу, тревожно протрубили лоси —
Это бьются в схватке вожаки.
В Зауралье огненная осень
Вспыхнула по берегу реки.

Лес кострами тянется к закату.
Как в дыму, ковыльной тропой
Кровью истекающий сохатый
По степи идет на водопой.

*
* *
*

Девчонка спрашивает мать:
Умеют люди колдовать,
И есть ли у дорог конец,
И был ли у нее отец...

А мать совсем не про людей,
А мать про белых лебедей
Девчонке сказку рассказала...

НАТАЛЬЯ

Шрамом полозный след пролегал от села.
Кто бы знал, что ему ты женою была,
Кто бы знал, что к нему ты ходила тайком,
Закрывая лицо от прохожих платком.

Как мне горе твое опрокинуло душу,
Как ты шла на погост в ледяющую стужу,
В причитанье навзрыд, не таясь, не скрывая,
Ты у гроба его сразу стала другая.

А они не простят, а они не поймут,
А они твое горе рукой разведут...
И пойдет по дворам от Прасковьи к Настасье
Разговор о загубленном девичьем счастье.

И во всем не простят, и во всем не поймут,
И устроят тебе, как распутнице, суд...
Ах, Наталья! Твой стон не дает мне уснуть,
Он в висках у меня, он врывается в грудь.

Белогривым конем бьется в окна метель,
Видно, ты в эту ночь не стелила постель,
Видно, в доме молчат, а тебе тяжелей.
Ты не спрятала горе свое от людей.

Как же им рассказать, как же им объяснить,
Что жена не умела его так любить?!
Что надела она, как положено, траур,
Что тебя не простить — ее женино право.

Ну, а ты, видно, думала: будет он жить, —
Не успела себе черной шали купить.

НОЧЬ

По лугам, не скошенным острою косой,
Млечный Путь рассыпался светлой полосой.
И легла дорога далеко в поля...
Будто бы прислушалась к тишине земля.

И уводит тайно месяц-поводырь
Речку задремавшую в солнечную былль.
В травах росных жаркое притаилось лето,
Песня в ночь ударилась и затихла где-то...

*
* * *

Женщина стояла на песке —
Золотое зарево волос
По плечу к опущенной руке,
Угасая, медленно лилось.

Женщина вливалась в тишину,
В синеву далекого причала,
Где земля в предутреннем дыму
Солнце восходящее встречала.

*
* * *

...И выше сил и выше меры,
Когда еще земля мертва
И соки не корнями — нервами
В ней ищет новая трава;

А где-то на ее распяты,
Под многотонной тишиной,
Сигналы огненные спрятаны,
К ним кто-то тянется рукой.

И пульс подскакивает к тысяче —
Земля опять напряжена.

И жертвам памятники высятся,
И где-то теплится война;

И на миткалевые ватманы
Пунктиры тонкие кладут —
Куда лететь снарядам атомным,
Куда ракеты упадут;

А над землей взметнулась радуга,
Родился где-то человек,
И плачет женщина от радости.
Двадцатый век — нелегкий век.

КОРИЧНЕВЫЙ АПРЕЛЬ

«Апрель на Урале» — в разливе
Коричневый, талый апрель,
На память о мальчике-сыне
Висит на стене акварель.

Здесь все сохраняется свято.
Пошел восемнадцатый год.
Как женщина сына-солдата,
Пропавшего без вести ждет.

За городом, в ветхом домишке,
Живет его старая мать,
И все еще розыски пишет,
И адрес боится менять.

АРБУЗ

Словно шар в меридианах,
Шар земной,
 арбуз округлый
Подает мне мальчик с воза
(Весь веснушчатый, щербатый,
Весь какой-то как натертый
То ли солнцем,
 то ли просто
Соком спелого арбуза).

Я даю ему за это
Две звенящие монеты,
Две звенящие монеты
Я даю ему за это:
И за солнце,
и за радость,
И за все меридианы...
Мой арбуз в полосках светлых
Разбивается на части.
Говорю я в утешенье.
— Все, что бьется,—
все на счастье!

За спиной я слышу голос,
Оборвавший смех и шутки.
Возразил седой мужчина:
— Нет!
Не все, что разобьется,
На земле приносит счастье...
(Над коляской инвалидной,
Опираясь на две палки,
Он поднялся очень трудно,
Как обрубленный гимнаст.)

Я на всех дорогах вспомню
Все, что видела я в полдень:
И седого человека,
И пронизанного солнцем
Ясноглазого мальчишку,
Удивленного пока что
Тем, что воз арбузов тает,
И сквозь вытертый кармашек
На горячей ягодице
Ощущающего холод
Наторгованных монеток...

*

* * *

Еще земля в росе холодной,
И, сбросив золоченый рог,
Как лань, пугливо ночь уходит,
Оставив на траве следы
Еще дымящие теплом.
И нарушает стройный ритм
Ее движений осторожных

Струя парного молока,
Разбившись звонко о подойник,
На самой грани тьмы и света.
В своей невидимости миру
Она уверена, как в звуке,
Предупредившем о рассвете.

А если б знать ей, что такое
Великодушье человека,
Прошедшего почти с ней рядом,
Не замечающего будто
Ее, как малого ребенка,
В ладони прячущего щеки,—
Чтобы все искали его долго.
А если б знать нам,
Что такое
Великодушье человека!

СНЕГ

Снег здесь пахнет лилией,
Корнем камыша.
Провожу я линию —
Берег Нугуша.

Я рисую веткою —
Неподатлив наст.
Память метит меткою
Беспощадно нас.

Снег., а мне повелено
Вспомнить старика
И в закат нацеленный
Ствол дробовика.

Говорили, горлицу
Он убил тогда —
Только мне все помнится
Алая вода.

Оживает заново
Тот не птичий крик,
Над рекою зарево
И седой старик.

«Не пугайся, женщина,—
Он изрек, смеясь,—
Отроду завещана
Человеку власть».

Хмель вскипал неистово
У подножья скал,
Там, где после выстрела
Птицу он искал.

Говорили, горлицу
Он убил тогда —
Только мне все помнится
Алая вода.

СЕМЁНИХА-ВЕКОВУХА

Жила на краю селения
Семёниха-вековуха,
Жила одна-одинешенька
в доме своем старуха.
Детям вязала варежки,
невестам шила платья,
Звали когда-то Семёниху
просто и весело — Катя.
В стареньком полушалке
цвета печали
Часто в степи весною
люди ее встречали.
В степи той цветут подснежники,
да говорят неспроста,
Были синими прежде
Семёнихины глаза.
Да говорят, что не росы
травы от солнца хоронят,
Там, где смертельно раненный
буденновец похоронен,
А говорят, что слезы...

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Родился в поселке мальчишка,
и люди его нарекли
Хозяином этой суровой,
не тронутой плугом земли.

Мальчишка в отца-комсомольца,
курносый и весь на виду.
Шутили солидно ребята:
«Невестам рожден на беду».

Растет, не печалится Петька,
ему уважение, почет.
Да вам на него посмотреть бы,
как он по поселку идет!

На Петьке матроска что надо,
широкий отцовский ремень.
На Петьке фуражка с кокардой,
он носит ее набекрень.

Его называют не Петькой —
его величают Петром,
Да каждый добавит с почтеньем:
«Он Петр,
и Первый притом!»

*
* * *

Смотрю, как затекшие руки
ведут необкатанный «МАЗ».
И движутся, движутся тени,
и сосны бегут мимо нас.

Бегут, отставая, как дети,
а мы далеко, далеко..
И кажется все очень просто
и кажется очень легко.

Вы чем-то сейчас недовольны,
но мне не видать ваших глаз.

И чем недоволен, скажите,
ваш новенький, с гонором «МАЗ»?

Я выйду сейчас, на дороге:
мне ночь нипочем, нипочем!
Я только боюсь — не доедем,
я только боюсь, что заснем.

И я говорю без умолку,
а может быть, мне помолчать...
Вы только что тихо сказали —
была у вас добрая мать...

И вы не заснете — я знаю,
мне стыдно. Хотите, уйду?
Хотите, пешком прошагаю
сейчас через всю Кулунду?

*
* * *

Ты мне сегодня, родная, приснилась:
В праздник пришла телеграмму послать;
Вижу тебя: над столом наклонилась,
Прячешь упавшую белую прядь.

Будто боишься слова уронить,
Так осторожно, как воду, бывало,
В поле несла ты меня напоить —
Так ты заполненный бланк подавала.

Сдачу, очки положила в футляр
И удивилась, что ценят деньгами
Дешево, будто бы штучный товар,
Каждое слово твое в телеграмме.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Я сок пила, березу раня,
Как воду пили косари.
То было в детстве, в детстве раннем —
Мне б никому не говорить.

Я припадала, как в пустыне,
К березе, исходящей соком,
И к небу ветви темно-синие
Вздымало дерево высоко.

И мне сказать нельзя, как многим:
Не человек я — ангел я.
Нет той березы у дороги,
Поившей по весне меня.

И я топтала травы, росы,
Рвала цветы, по пашням шла,
Я воровала хлеб в колхозе,
Когда голодная была;

Я сок пила, березу рая,
Как воду пили косари.
То было в детстве, в детстве раннем —
Мне б никому не говорить...

Но я совсем на малолетство
Не переключиваю бед.
Мне, может, та береза в детстве
На сердце выплакала след.

ДОМ

Вам не кажется дом живым?
Нет тропинки к нему от колодца.
Обошлись бессердечно с ним —
Двери, окна заколочены:

До земли пробивают снег
Капли-слезы, падая с крыши,
Он страдает, как человек,
Только люди его не слышат.

Он теперь и дом и не дом,
Как стручок без единой горошины,
Обрывается жизнь на нем,
От села горбылем отгорожена.

СКАЗКА

Спицы встали, как стропила,
Пряжа выпала из рук —
Это бабка Лизавета
Задремала сразу вдруг.

Дремлет бабка Лизавета,
Отгоняя комара.
Ей, наверно, снится лето —
Сенокосная пора.

Тише, внуки, не проказьте,
Не ходите ходуном,
Сказку длинную о счастье
Скажет бабка вам потом.

Вам, конечно, голопятым,
Не поверить, не понять,
Что была она когда-то
Молодой, как ваша мать.

...«Сарафан с оборкой пышной,
Полушалка маков цвет,
На крыльцо царевна вышла,
А царевне двадцать лет.

Поспешай-ка, Лизавета,
У родимых у ворот
В санках резвых — не в карете,
Молодой царевич ждет.

Он увез ее, сердечную,
По крещенскому морозу
В те края, как наши здешние,
Только снег там больно розовый.

Отыграли песни девичьи,
Отводили хоровод...
Из сражения царевича
До сих пор царевна ждет.

Говорит певуче бабушка,
Внуки смотрят ей в глаза.
— Он сказал: «Вернусь я, ладушка!»
А когда — и не сказал...»

Прикусили дети губы,
А старшой в раздумье впал:
— Как же он ее без шубы...
От родителей украл?

ДОНЧУК

Дончука, красавца исполина,
Человек покорству обучал
Танцевать учил, как балерину.
Ну, а тот упрямылся, дичал

Заставлял выбрасывать колено
Он коня под окрики и свист
И в галоп переходить мгновенно
Там, где рвал гармошку гармонист.

Чтоб потом, не обомлев у входа,
Вышел он размеренной рысцой
Кланяться под музыку народу,
И за все за это — на постой:

Сколько хочешь и овса, и сена,
И воды холодной, ключевой.
А пока набухли кровью вены —
Конь застыл как будто неживой.

Удила натянуты до боли,
До предела, до последних сил.
Если б знал язык он человеческий,
То, пожалуй, седока спросил:

«По какому праву и закону
Мне плясать на выбитой стерне,
Если предки шли мои в атаку
Под огнем кромешным на войне?!»

Но седок, того не разумевший,
Бил нагайкой по глазам коня.
И кружилась в поле онемевшем
Под ногами лошади земля...

КАРУСЕЛИ

Карусели вы, карусели,
А лошадкам не до веселья.
А лошадкам с белыми гривами
Надоело быть вечно ретивыми.

Я видала, как грустно ожили
И глаза их и даже уши.
Может, вовсе не деревянные
У забавных лошадок души.

ДЕТСТВО

Ты мне одной из всех девчонок в классе
Коньки давал, рогатку — пострелять.
Брал в плаванье на собственном баркасе,
Которым печку истопила мать.

Ты мне одной, когда никто не видел,
Дарил сирень соседскую весной,
Меня ты даже словом не обидел,
А был ты в классе самый озорной.

И вот как будто улица Лесная
Поуже стала — разрослись сады,
И школа будто чуточку другая,
И время наши замело следы.

И я уже давно не спорю с братом,
Что ты совсем не рыжий, а блондин,
Что будешь самым храбрым ты солдатом,
Что ты с медведем справишься один...

Но что-то есть похожее на лето,
На жаркий день, на золотую рожь,
И, словно детство притаилось где-то,
Пройдешь ли полем, в рощу ли войдешь.

И ты мне снишься в выгоревшей майке,
Наперекор портретам и чинам
Тебя я вижу в бабкиной фуфайке
И узнаю по озорным глазам.

*
* * *

Называй, называй меня дочерью.
Как давно я тебя не слышала!
Расскажи обо всем по порядку —
От завалинки и до крыши.

Расскажи мне о каждом бревнышке,
Ничего, ничего, что поздно,
Как в колодце нашем, на доньшке,
Поселились когда-то звезды.

Все растет ли за сеновалом
Горьковатая конопля?
Там я пряталась, бывало,
От братишки и от тебя.

Подходили ко мне доверчиво
Белоснежные куры наши,
И смотрели по-человечьи
И о чем-то участливо спрашивали.

Как состарились руки твои...
Я тебе не скажу об этом.
Говори, говори, говори,
Буду слушать тебя до рассвета.

ОТЕЦ

Забинтованный по колено
И с медалями новыми-ясными
На побывку пришел военный
И сказал ребятишкам: «Здравствуйте!»

А они прижимались к матери,
Спрятав даже свисток и куклу.
Целый день не могли играть они,
Все смотрели в передний угол

Там на карточке не было вовсе
В страшных шрамах худого лица.
И откуда такая проседь
Во всю голову у отца?

Хоть бы мать посмотрела нечаянно
На портрет, а потом на дяденьку.
Угощает она его чаем
И рукой его шрамы гладит.

БЕЖЕНКА

Когда, повиснув в синеве,
Над степью ястреб замирал,
Не знали мы, что о войне
Он ей тогда напоминал.

Нам, детям, было не понять
Ее невысказанной муки,
Она звала в испуге мать
И поднимала к солнцу руки.

Она боялась грома, радуги,
Боялась туч, боялась зарева,
И мы учили ее радости,
Всему учили ее заново.

*
* * *

Мне снилась девочка из Африки
в одежде белой и с кокосами,
Она смотрела в небо синее
глазами черными раскосыми.
Мне снилась в детстве эта девочка,
а почему глаза раскосые
И почему у этой девочки,
я помню, тоже были косы?..
Она пришла ко мне из Африки
по тонкой радуге — по мостику,
Пришла в село мое башкирское,
ко мне пожаловала в гости.
И рассказала мне про родину,
о, как светла она и горестна!
И все тогда переменилось —
мне быть счастливой стало совестно.

БАЛЛАДА О ПЛАНШЕТЕ

Брату Святославу

I

Пора покоса — сохнут травы,
И вдовьих не хватает рук.
Ведет к затихшей переправе
Июнем опаленный луг.

А на пароме Санька главный,
Планшет при нем. Он в две руки
Лебедку крутит. С ним, как с равным,
Ведут беседу старики.
Он знает все их ритуалы:
Сейчас закурят самосад
И скажут: «В батю Настин малый...» —
И об отце заговорят...
Он вспомнит утро за околицей,
Большак в ухабах и пыли —
Там провожали добровольцев
И долго вслед за ними шли.
И он шагать старался в ногу,
Повиснув на руке отца.
Он так хотел, чтоб та дорога
Была без края и конца.
...Потом с большого полустанка
Приехал к ним в село комбат
И рассказал, как шел на танки
Отец со связкою гранат.
Он, уходя, оставил Саньке
Планшет погибшего отца.
Как лодка от причала — сани
По снегу плыли от крыльца.
А он надел планшет как надо —
По росту, подтянул ремень.
И причитала вся Отрада
У дома Санькина в тот день.

...И вот не первую бадью
Журавль выносит из колодца,
И дым над крышами вихрит,
И кто-то у ворот смеется;

Да так смеется, что звенит
Морозный воздух над Отрадой.
Мелькают детские следы,
Сходясь за школьною оградой,
И будто не было беды...

И мать — ни слова о вчерашнем,
Как сговорились на одном,
Ей Санька шапкой бойко машет.
Как на прощании с отцом —
Она стоит, подавшись зыбко
К обрыву снежного крыльца,
И непонятная улыбка
Не сходит с грустного лица;
Так ветка, сломленная ветром,
Вся в юрких капельках росы.
Своим последним миллиметром
Еще старается расти.

А утро, яркое и раннее,
Надеждой заглянуло в дом,
И мать твердила: «Может, раненый,
Еще немного подождем...»
Он вспомнит, как ходила тайно
Она за двадцать верст в район.
Ей все казалось, что случайно
Ее обходит почтальон.
И мать раскладывала карты,
И мать разгадывала сны.
Зима, как вновь, вернулась в марте.
А писем не было с войны.

Потом весна, померзли всходы.
Грачи над полем, как в бреду,
Висели черным хороводом,
Скликая новую беду.
Весна безжалостно сулила
В степи бескрайней недород.
И, как на кладбище, носила
Мать семена на огород...

Он вспомнил мать,
И все вернулось
В сегодня, в утро, в этот день:

Ветла над берегом взметнулась,
И на воду упала тень.
И ветер растрепал с налета
К утру уснувшую кугу.
Кружился ястреб самолетом,
Как в заколованном кругу.
И, как по щучьему веленью,
Вдруг всполошилась река.
Паром толкнуло по теченью,
Как непослушного телка.
Солдат молоденький, в пилотке,
Как птица сломанным крылом,
Садясь, взмахнул, как перед взлетом,
Пустым по локоть рукавом.
Ему спроворил самокрутку
Словоохотливый старик
И прикурил ее от трута:
Мол, что тут — парень не привык

— Счастливый, вырвался из пекла! —
Услышал Санька за спиной.—
В долгу я перед богом век бы
Была, чтоб так вернулся мой...

«Да в чем же счастье? —
Думал Санька,
Взглянув на правую ладонь.—
Да скажем сразу для примера,
Зачем ему теперь гармонь?
Зачем ему?..»

Он вмиг представил,
Как парень сядет за штурвал.
И вдруг сказал под общий хохот:
— Я левой козанки сбивал,
Я левой дрался с Мишкой рыжим —
В кармане правую держал.
Я левой пуд картошки выжал...—
Он врал и сам не замечал.
И смолкли все,
И Санька замер.
Взглянув на парня не дыша,
А тот ему:
— Ты, друг, не хвастай,
Я от рождения левша.—

Все засмеялись на пароме,
Но как-то совестясь, невлад.
— Вот если только на гармонии...—
Сказал невесело солдат.

II

А дома робко в этот вечер,
Как заблудившийся в стерне,
Как перепуганный кузнечик,
Часы стучали на стене.

Платок с каймой замысловатой
Лежал на лавке у стола.
Мать говорила виновато,
Мол, не берут — не продала.
И рассказала, как Кондрат,
Старик по прозвищу «Калина»,
Часы у городских девчат
Выменивал на солонину.
«К нему!..» —
Но это выше сил.

И Санька вспомнил, как Кондрату
Коньки с ботинками носил,
Как тот смеялся, багровея,
И, приоткрыв в засовах дверь,
Сказал: «Кататься не умею!»
Что отнести ему теперь?
«Планшет!» —
И Саньке стало жарко.
Качнулась белая стена...

А где-то в зареве пожара
Уже на Запад шла война.

Вот он уже стоит у двери,
Сейчас шагнет через порог.
Он сам себе еще не верит,
Что он пойти на это мог!
Кондрат примерил левым глазом,
Пройдут ли бабе башмаки
Не глядя в сторону невестки,
Отдал приказ: «Насыпь муки! —
И Дарья, бедрами играя,

Прошлась лениво по избе.—
Ишь, стала гладкая какая!
Насыпь муки, сказал тебе!
Фунт!» — словно кто ему перечил,
Невестке вслед кричал старик.
«Глаза совсем нечеловечьи», —
Подумал Санька и поник.
Поник, как малая травинка.
Под острым взглядом старика.
«Какая цепкая и злая
У деда правая рука!»

А левая в полосках вара.
Лежит кувалдой на столе.
И Санька в тусклом самоваре
Себя увидел, как во сне.

.

А на краю Отрады дом,
Обвитый хмелем одичало,
Стоит у самой у реки,
Неподалеку от причала.

И часто человеку там
Тревожной былью детство снится:
Мальчишка с горсткою муки
В окно ослепшее стучится.

И мать, огня не зажигая,
Идет по зыбким половицам.
Из детства, через двадцать лет,
Она ему ночами снится.

Да будет памятен тот миг,
Да будет он во веки вечен,
Когда, ни слова не сказав,
Друг другу шли они навстречу.

ПРОВОДЫ

Как по русскому обычаю,
Ты присядь перед дорогою.
Уезжаю в город нынче я,
Потому родня и строгая.

«Город — это не околица,
Не деревня наша малая.
Да и ты уже не школьница»,—
Говорят, чтоб это знала я.

Узелок, что белый зайныка,
Пироги с лесною ягодой.
Ох, родная моя маменька!
И сама, сама не рада я.

Вдруг не выдержу экзамены,
Ну, а мне такие почести:
Обещает меду мама мне
К Октябрю прислать по почте

Дед Макар сваял мне чесанки —
Позавидуют в Москве.
Младший брат такой причесанный,
Что не снилось и во сне.

Набок челочка примазана.
Он сидит, как все, в рядок.
Смирный, будто бы наказанный,
Аж под сердцем холодок

Слышу, бабушка вполголоса,
Как гроза издалека:
«Я ему велела волосы
Смазать сливками слегка.

Все горшки сняты до пояса,
А сметана — видно дно!»
Брат сказал: «Пока умоюсь я»,—
И полез через окно...

В доме чисто, пахнет стружкой,
Пол помыла с косарем.
Мы сидим с моей подружкой
На скамеечке вдвоем.

Я ей тайные секреты
Тихо на ухо шепчу:
Всем ребятам по привету,
Только нету одному...

МАЛЬЧИШКИ

Ах, мальчишки, мальчишки малые,
крутолобые, босоногие,
Я волос ваших жестких лесенки,
словно детство, руками трогаю.
И уносят воды талые
корабли ваши — коробушки,
Так похожие на настоящие,
непохожие на игрушки.
Будет трудно им в водах бурных,
вы крепите, крепите мачты.
Ах, мальчишки, милые штурманы,
пожелаю я вам удачи!

*
* * *

Я была Бесприданницей,
я была и Карениной,
Катериной Островского,
было больно коленям —
Я молилась неистово
в нашем ветхом сарае.
Стать мечтала артисткою,
только люди не знали.
И на поле картофельном,
красноталом увенчана,
Я стояла и слушала,
как стрекочут кузнечики.
Говорила я с птицами
и с густой повиликою.
О великие женщины,
о артистки великие!
Я не знала, что где-то
вдалеке от мечты
Будут в тридцать букетов
приносить мне цветы.
Буду в мудрость простую,
навивая венки,
Посвящать ребятишек
у волшебной реки.
Расскажу им про солнце,
про добро и про зло.
Пусть завидуют люди —
в жизни мне повезло.

Пусть завидуют люди! —
развеселой гурьбой
Тридцать белых панамок
ходят лугом за мной.

*
* * *

Воробьишек смешных и маленьких
Мне напомнили почки эти.
Босиком бы теперь по проталинке
Да в лапту поиграть, как дети.

А по небу над всей вселенной
Распростерся Конек-горбунок.
Он подкову свою серебряную
Обронил у моих ног.

Не возьму ее в дом свой навечно,
Не прибью я ее на порог —
Пусть находят ее бесконечно
По весне на разлете дорог...

*
* * *

...А может, мне воды в горах,
Где небо синее дробится,
Не приходилось в страду
Из рук натруженных напиться;
И потому степной ручей
Мне с этих видится возвышин,
И клекот и его мотив
Мне в горных водопадах слышен.

...В моих краях сейчас туман,
Сухой, из солнца и из света,
И рожь — как стрелы в колчане,
И перезвон в разгаре лета.
А если дождь, то стой, замри —
Тебе покажется сначала,
Что мчится конница вдаль.
И, ослепленные лучами
Степного солнца, дрогнут кони,
И две последние дождинки
Похолодят твои ладони...

*
* *
*

Не бери меня в жаркие страны,
Я не выдержу дня — улечу,
Тосковать я по северу стану,
Не бери, если я не хочу.

Я боюсь, что под яростным зноем
Перестану тепло замечать.
Не бери меня лучше с собою:
Я по северу буду скучать.

*
* *
*

Эх, милый мой, нерусский мой,
мне жаль день ото дня,
Кабы умел гармошкой
ты завлекать меня.
Не узкие ботиночки
с заморскою каймой —
Купил бы ты мне валенки,
мой милый, дорогой.
По снегу по скрипучему
узнал бы, кто идет
Эх, милый мой, хороший мой,
все знать бы наперед...

*
* *
*

Я не люблю тепличных роз —
Они жирны и слишком ярки,
Их в целлофановых кулках
Зимой в мороз везут в «Подарки» —
В тот магазин, где, как хмельной,
Мерцает радужно хрусталь.

Я розы не люблю зимой —
И мне ни капельки не жаль,
Нет, я нисколько не жалею,
Что ты тогда купить не смог
Мне этих роз оранжерейных.
Зато ты даришь мне поля
Весной в ромашковом настое.
Пусть что угодно говорят,
Те розы — для меня пустое.

ВОТ КАКИЕ ЧУДЕСА ...

Там в пруду ночует солнце,
А вокруг темным-темно.
Это было так недавно
И уже давным-давно.

Так давно, что поделили
На усадьбы все луга.
Не цветет и не буранит
В тихой заводи куга.

Жду восхода над водою,
Галькой солнышко бужу,
Но без плеска и без звона
Галька падает в межу.

Аккуратно сбиты доски,
На воротах адреса...
...Жду, а солнце не восходит,
Вот какие чудеса.

А девчонка у речушки
Бьет вальком половики.
Надрываются от рева
На «ссыпном» грузовики

Ах, девчонка, бей, да помни:
Что возьмешь, то береги.
Будет море, будут волны,
Да не будет той реки.

*
* * *

Я люблю в непонятной тревоге
Журавлей провожать над полями,
Долго-долго стоять на дороге,
Листья жухлые трогать руками.

И на крик журавлиный бежать,
В полыханье рябин оброненный,
И огонь на ладонях держать,
На темнеющих ветках зажженный.

С горизонтом, где горлицей высь
Запрокинулась в пламя заката,
Журавлиные тропы слились,
Будто птицы исчезли куда-то.

Мне б найти эти тропы, пути,
Разгадать этот крик над полями
И в неведомость к солнцу идти,
За летящими вдаль журавлями.

СОДЕРЖАНИЕ

Полевые цветы	3
«Ушел из жизни человек...»	3
«Научи меня доброму делу...»	3
«Петух, надрываясь, кричал на плетне...»	4
Солдатка	4
Ермолаевка	5
«Чу, тревожно протрубили лоси...»	5
«Девчонка спрашивает мать...»	6
Наталья	6
Ночь	7
«Женщина стояла на песке...»	7
«И выше сил и выше меры...»	7
Коричневый апрель	8
Арбуз	8
«Еще земля в росе холодной...»	9
Снег	10
Семёниха-вековуха	11
Петр Первый	12
«Смотрю, как затекшие руки...»	12
«Ты мне сегодня, родная, приснилась...»	13
Березовый сок	13
Дом	14
Сказка	15
Дончук	16
Карусели	17
Детство	17
«Называй, называй меня дочерью...»	18
Отец	18
Беженка	19
«Мне снилась девочка из Африки...»	19
Баллада о планшете	20
Проводы	24
Мальчишки	26
«Я была Бесприданницей...»	26

«Воробышек смешных и маленьких...»	27
«А может, мне воды в горах...»	27
«Не бери меня в жаркие страны...»	28
«Эх, милый мой, нерусский мой...»	28
«Я не люблю тепличных роз...»	28
Вот какие чудеса...	29
«Я люблю в непонятной тревоге...»	29

Людмила Васильевна Шикина

СТИХИ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

Технический редактор Я. Борисов.

А 00116 Подписано к печати 26/V 1969 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 1,40 условн. печ. л. 1,49 учетно-изд. л. Тираж 101 200.
Изд. № 1023. Заказ № 1069. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 4 коп.

Индекс 70668

ПРЯЧЬТЕ

ОТ ДЕТЕЙ